

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

THE FORMATION OF THE COLLECTIVE IDENTITY

Н. И. ШЕВЕЛА

N. I. SHEVELA

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: NickShevela@yandex.by*

В статье рассматривается специфика формирования и консолидации коллективной идентичности. Показано, что важнейшей частью процесса формирования и репрезентации коллективной идентичности является объединяющий нарратив, основой которого часто становится культурная травма.

The article deals with the specifics of the formation and consolidation of a collective identity. It is shown that the most important part of the process of formation and representation of collective identity is a unifying narrative, the basis of which is often cultural trauma.

Ключевые слова: коллективная идентичность; культурная травма; объединяющий нарратив; национализм; образ врага.

Keywords: collective identity; cultural trauma; unifying narrative; nationalism; enemy image.

Для формирования и репрезентации коллективной идентичности крайне важен объединяющий нарратив. Существуют разные виды подобных нарративов, в частности, конструирование образа общего врага. Одним из наиболее мощных объединяющих нарративов является пережитый совместно трагический, травмирующий опыт, остающийся не только в памяти участников, но и в постпамяти последующих поколений.

В целом коллективная идентичность всегда выстраивается на идее единения какой-либо группы, пусть и разными способами. Правозащитники из *JustLabs* пишут, что в идеале, нарративы коллективной идентичности должны делать упор на концепцию содействия, на слове «вместе». Например, работать вместе; смотреть футбол вместе; приходить в бар вместе. Нарратив должен подчеркивать не различия различных сообществ, а их способность кооперироваться для достижения общей цели (см.: [1]). Известный популяризатор науки *Юваль Ной Харари* в книге «*Sapiens. Краткая история человечества*» вообще приходит к оптимистичному выводу, что всю эволюцию человеческой цивилизации можно объяснить постепенным объединением людей во все большие группы, способных выполнять все более сложные задачи. Соответственно, решение текущих проблем человечества вроде глобального потепления тоже возможно при дальнейшей интеграции и кооперации государств и надгосударственных объединений (см.: [8]).

Тем не менее, нарративы, очевидно, могут быть и разделяющими, ведь это лишь отражение определенной интерпретации исторических событий. Философ-деколонист *Вальтер Миньоло* приводит следующий пример: когда в конце XV в. евреев и мусульман изгнали из Испании, была создана особая классификация, согласно которой иудаизм и ислам являлись низшими формами религиозности. Примерно тогда же был открыт Новый свет и появились новые «воображенные» идентичности «индейцев»,

«негров» и «кастильцев». Очевидно, единственно привилегированной группой, имевшей право на управление, были кастильцы. К подобному разделяющему нарративу В. Миньоло относит и деление на так называемые Первый, Второй и Третий мир, где Первый мир является не только частью классификации, но и ее создателем. Колонизация нарратива, колонизация знания и субъективности, согласно В. Миньоло, более эффективная стратегия колониальной власти, чем солдаты и пушки (см.: [11]).

С В. Миньоло и автор классической работы «Ориентализм» *Эдвард Саид* считают, что колониализм нельзя свести военному или экономическому доминированию, он обязательно должен поддерживаться особым дискурсом, своеобразной «экономикой символов», имеющей репрессивный характер по отношению к культуре подчиненных сообществ (см.: [4]).

В наше время национализм зачастую воспринимают как угрозу, ведь националистический нарратив, построенный на бинарной оппозиции «свой-чужие» и объединяющий людей вокруг образа врага, может привести к существованию режимов вроде Третьего рейха. Тем не менее, есть и точки зрения, призывающие не использовать риторику борьбы с национализмом. Так, российский историк *Андрей Тесля* отмечает, что в случае антиколониальных движений исходящая из бывших метрополий риторика угрозы национализма как бы отказывает периферии в праве на собственный голос и полноценном включении в мировое сообщество. Он пишет, что язык, акцентирующий национализм как угрозу, акцентирующий прозрачные и общеизвестные издержки национального движения, может быть прочитан в другом ракурсе – как способ в скрытом виде сохранить колониальное господство, опираясь на позитивную на первый взгляд логику свободы и равенства (см.: [5]).

Культурная травма вполне может выступать объединяющим опытом, лежать в основе нарратива коллективной идентичности, не сколько разрушать, сколько пересоздавать сообщества. Немецкая художница *Хито Штейерль* рассказывает, что во время съемок фильма о паломниках узнала, что в большинстве случаев ритуал паломничества проводится на месте совершения преступления, а первых паломников, бывших чужаками для местных, часто убивали (см.: [9]). Таким образом, насилие становится основой культуры, место совершения преступления – точкой притяжения, а память о трагических событиях – культурной травмой, вокруг которой объединяется сообщество паломников. Это перекликается с идеями *Зигмунда Фрейда* из книги «Тотем и табу», согласно которой зарождение морали и принципиально новой схемы взаимодействия между людьми – системы запретов произошло благодаря насилию – убийству отца (см.: [6]).

В другой своей работе «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия» (1939) З. Фрейд утверждал, что само формирование еврейского народа укоренено в травме, правда, по Фрейду, не переосмысленной, а вытесненной и отвергнутой сознанием. Фрейд рассматривал историю еврейского народа как историю череды катастроф и отмечал, что пережить это евреи смогли лишь благодаря своей вере, вере в избранность Богом. Фактически это можно считать нарративом коллективной идентичности. С одной стороны, Фрейд приходит к выводу, что именно вера, отделяющая евреев от других народов, стала первоисточником всеобщей ненависти (см.: [7]). С другой стороны, мы также вполне достоверно можем считать, что она же, будучи основой коллективной идентичности, позволила евреям пережить и 9 Ава, и погромы, и Холокост. И Холокост, во многом поспособствовавший появлению еврейского государства спустя тысячелетия после падения Иудейского царства, стал лишь завершающим моментом в борьбе за собственную идентичность.

Стоит отметить, что в Западной Европе Холокост воспринимается как общая история, способная объединить разные страны. Это и есть переосмысление культурной травмы и использование ее как общего и политического пространства, но и общего пространства памяти, общего нарратива о прошлом для преодоления разногласий.

Для Восточной Европы же как объединяющий элемент значительно более важна память о репрессиях времен СССР, преимущественно сталинской эпохи. Холокост на этих землях тоже был и требует осмысления в том числе коллективной вины. Об этом повествуют, например, книги польского историка Яна Томаша Гросса «Соседи» и «Золотая жатва». В «Соседях», в частности, рассказывается о локальном геноциде всего еврейского населения местечка Едвабне, осуществленного непосредственно соседями-поляками (см.: [2]). Тем не менее, польское правительство, СМИ и большинство интеллектуалов предпочитает выстраивать нарратив вокруг событий, в которых поляки выступили в роли жертвы. Речь, безусловно, о массовом расстреле офицеров польской армии в Катынском лесу на территории современной Смоленской области, произошедшем в 1940 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б). Историк культуры Александр Эткинд в книге «Помня о Катыни» отмечает, что не только для Польши, но и в целом для стран Восточной Европы именно Катынь играет ту же роль, что Холокост в Западной Европе. Одной из причин этого Эткинд считает тот факт, что в СССР и странах Варшавского договора тему Холокоста замалчивали, его не обсуждали, про него не писали книг и не снимали фильмов. Поэтому даже после тридцати лет с развала СССР восточноевропейские общества остались в целом равнодушны к памяти о Холокосте, при этом память о репрессиях сталинской эпохи является важнейшей частью официального нарратива коллективной идентичности (см.: [10]). Уникальность нарратива о Катыни заключается еще и в том, что, несмотря на наличие официальных документов, подтверждающих вину НКВД, непосредственных свидетелей трагедии к моменту развала СССР практически не осталось. В этом состоит серьезное отличие Катыни от нацистских концлагерей и системы ГУЛАГА. А. Эткинд приходит к выводу, что память о Катыни объединила страну не только потому, что стала общим травматическим воспоминанием, но и потому, что за нее пришлось сражаться, ведь правда об этой трагедии долгое время скрывалась (см.: [10]).

Показательно также переосмысление немецкой идентичности после краха нацистской Германии. Официальной основой национальной идентичности с момента основания ФРГ в 1949 г. и до массовых молодежных протестов конца 1960-х гг. был образ так называемой «надежной нации». Трагические события эпохи нацизма в этой концепции трактовались как временное отклонение от истинного курса развития Германии. Джеффри Олик пишет, что риторический стиль лидеров того периода был защищающимся, оправдывающимся и репрессивным, а причины нацизма связывались с нестабильностью демократии. Естественно, в такой риторике в ФРГ эти проблемы уже считались решенными (см.: [3]). Частью этой концепции было и решение Аденауэра о репарационных платежах Израилю. При этом в ФРГ сопротивлялись люстрации бывших нацистов, их было довольно много на всех уровнях управления государством. Стоит понимать, что Германия долгое время была разделена на две части: ФРГ и ГДР, поэтому нарративы объединения общества в ФРГ имели и подтекст воссоединения страны. Особенно часто нарратив «возвращения отечества (*das Vaterland*)» использовал канцлер Гельмут Коль, при котором и состоялось падение Берлинской стены и объединение Германии (см.: [3]).

Таким образом, объединяющий нарратив является важнейшей частью процесса формирования и репрезентации коллективной идентичности. Основой подобного нарратива часто является и культурная травма того или иного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гомез К., Кумбс Т. Нарратив – это вы. Как изменение нарратива может произвести революцию в правозащитной деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://static1.squarespace.com/static/5adfc952ec4eb743393ebbbd/t/5faec94624c06f5373aeb5fo/1605290328716/BeTheNarrative_RU.pdf (дата обращения: 08.05.2022).
2. Гросс Я. Т. Соседи. История уничтожения еврейского местечка М.: Текст, 2002.
3. Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. – № 1. С. 40–74.
4. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока/ СПб.: Русский Мир, 2006.
5. Тесля А. Национализм: как идеал гражданского общества стал синонимом ксенофобии [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/156942> (дата обращения: 08.05.2022).
6. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии М.: Эксмо, 2020.
7. Фрейд З. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия М.: Азбука-Аттикус, 2012.
8. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.
9. Штейерль Х. По ту сторону репрезентации. М.: Красная ласточка, 2021.
10. Etkind A. Remembering Katyn. N. Y.: Anchor, 2003.
11. Mignolo W. D. Because coloniality is everywhere, decoloniality is unavoidable // Multitudes. 2021. Vol. 84, № 3. P. 57–67.